

УДК 811.161.1'373.611

В. С. Крыжан

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков

ЕЩЁ РАЗ О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ

Аналізуються принципи об'єднання слів у гнізда різних типів: словотвірні, етимологічні та етимолого-словотвірні; досліджується етимолого-словотвірне гніздо з верхівкою **uēlktī*.

Анализируются принципы объединения слов в гнезда разных типов: словообразовательные, этимологические и этимолого-словообразовательные; исследуется этимолого-словообразовательное гнездо с вершиной **uēlktī*.

The article is about the analysis of various families of words building principles. These types are: word-building, etymological, etymological and word-building. The object of investigation is etymological and word-building family of words with the top **uēlktī*.

Целью данной статьи является описание и частичная демонстрация синхронной, диахронной и ахронической моделей гнезда слов с праиндоевропейской вершиной **uēlktī* в русском языке.

Наиболее распространенными типами гнезд являются словообразовательный и этимологический. При объединении слов в гнезда первого типа принимаются во внимание отношения производности родственных с точки зрения синхронии слов; об историческом родстве в данном случае речь не идет (А. Н. Тихонов, Немченко). При объединении слов в гнезда второго типа учитывается историческое родство (родство деэтимологизированных единиц), но не принимаются во внимание отношения производности слов, составляющих данные гнезда (Ж. Ж. Варбот). Именно поэтому продолжают быть актуальной постановка и разрешение вопроса о группировках исторически родственных слов, связанных отношениями производности (Н. В. Дьячок). Ценность реконструкции гнезд нового типа заключается в том, что такие гнезда способны отражать не только связи однокоренных слов в одном языке, но и межъязыковые связи, в частности в пределах восточно- и южнославянских языков.

Существует несколько точек зрения относительно принципов объединения слов в гнездо. Наиболее общая формулировка звучит так: «Гнездо (англ. family of words) – группа слов, происходящих от одного корня и объединяемых современными (выделено нами. – В. К.) морфологическими или семантическими связями» [1, с. 109].

Под словообразовательным гнездом понимается «упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [6, с. 260]. Общность однокоренных слов проявляется не только в плане выражения (в наличии у них одного и того же корня), но в плане содержания (корень выражает общий элемент значения для всех родственных слов). Иначе говоря, слова, объединяющиеся в словообразовательное гнездо, имеют и смысловую, и материальную общность.

«Словообразовательное гнездо составляют слова, имеющие общий смысловой элемент (лексико-семантический вариант, сему), материальным выразителем которого является корень» [9, т. I, с. 36]. Например:

волочить

волочиться

волоченный

волочение

вволочить

вволочиться

вволакивать

вволакиваться и т. д.

Здесь очевидным является еще и факт прибавления словообразовательного элемента к производящей основе (корню) для создания новой лексической единицы. Например: *вволакивать* – *вволакивать-ся*.

Границы гнезда подобного типа подвижны. Гнезда могут пополняться новыми словами, и, наоборот, многие слова в гнезде перемещаются из центра на периферию или совсем выходят из него. А. Н. Тихонов указывает на то, что «под влиянием различных факторов – лингвистических и экстралингвистических – смысловые связи между словами, входящими в словообразовательное гнездо, ослабевают или совсем утрачиваются. Слова, утратившие смысловую общность, образуют разные гнезда (выделено нами – В. К.). Ср. *дать* и *продать*, *белый* и *белье*, *черный* и *чернила*» [9, т. I, с. 37].

А. Н. Тихонов считает, что, поскольку словообразовательные гнезда находятся в постоянном движении, в любом синхронном состоянии в них могут быть и малоупотребительные лексемы, и слова, выходящие из употребления, устаревающие, то есть слова, слабо связанные с системой, но еще не выпавшие из нее. В этом смысле гнезда неоднородны. В синхронной системе словообразования имеются гнезда, включающие в свой состав только активную лексику, и гнезда, полностью или частично состоящие из пассивной лексики. Например:

волочь

взволочь

взволочься

взволакивать

взволакиваться и т. д.

А. Н. Тихонов утверждает, что «выпадение тех или иных слов из гнезда, обособление от однокоренных слов чаще всего происходит в результате семантической декорреляции их, утраты смысловой связи между ними» [9, т. I, с. 37]. Э. А. Балалыкина дает наиболее полную характеристику словообразовательного гнезда, считая, что словообразовательное гнездо – это широкое объединение производных образований в языке, включающее как словообразовательные парадигмы, так и словообразовательные цепи, которые системно упорядочивают эти производные. Она определяет словообразовательное гнездо как «совокупность однокоренных слов, связанных отношениями производности» [2, с. 147].

В основании гнезда (вершине гнезда) лежит непроизводное с точки зрения современных отношений слово, которое является производящим для лексем, входящих в его словообразовательную парадигму. Каждый член этой парадигмы в свою очередь может иметь свою словообразовательную парадигму или развернутую на его основании словообразовательную цепь. Все элементы словообразовательного гнезда, кроме начального, являются производными словами, а гнездо строится на основе живых словообразовательных отношений, которые, на самом деле, являются не живыми словообразовательными, а актуальными мотивационными отношениями. Н. В. Дьячок считает, что представляется возможным «на основании данных слов словообразовательного гнезда только определить, что слово

X мотивирует слово Y, то есть признак номинации слова X, его внутреннюю форму можно определить через семантику основы слова Y и семантику того компонента, который условно называется словообразовательным формантом» [4, с. 12]. Однако у нас нет никаких оснований утверждать, что слово X образовано от слова Y, поскольку всегда есть шанс утраты в процессе эволюции словообразовательного гнезда каких-либо промежуточных звеньев (сейчас *поволока* – *поволоч-ник* вместо реального *поволока* – *поволоч-н-ый* – *поволочн-ик*). Эти отношения называют еще иерархически упорядоченными отношениями между производящими и производными словами, обнаруживаемые при анализе их синхронической деривационной истории, они являются неперменным условием объединения однокоренных слов в гнездо. Например:

поволока
поволочка
поволочный
поволочник
поволочно

Приведенный пример показывает, что словообразовательное гнездо (а вернее, его часть), построенное на базе слова *поволока*, включает словообразовательную парадигму этого слова (*поволочка*, *поволочный*), а также словообразовательную цепочку, построенную на той же базе (*поволока* – *поволочный* – *поволочно*). На базе звена *поволочный* построена словообразовательная пара (*поволочный* – *поволочник*).

В словообразовательное гнездо, по мнению Э. А. Балалыкиной, «не входят деэтимологизированные слова, утратившие связи с теми членами гнезда, на базе которых они были образованы» [2, с. 148]. Но заметим, что разные словообразовательные гнезда, вершины которых объединены этимологическим родством, суть компоненты единого конкретного этимолого-словообразовательного гнезда.

В словообразовательном гнезде необходимо учитывать также явление неединственной мотивации (мотивированности), которое может быть отражено в одном или нескольких звеньях этого гнезда. Например:

волочь
волоченный
волоченно
разволоченно
разволочь
разволоченный
разволоченно.

В данном случае наречие *разволоченно* мотивировано наречием *волоченно* и прилагательным *разволоченный*.

Историческое развитие языка обуславливает образование этимологических гнезд: нарушение словообразовательных связей внутри словообразовательного гнезда приводит к образованию на его базе нескольких новых словообразовательных гнезд. Связи между ними могут быть определены как этимологически устанавливаемые, а следовательно, объединение их возможно уже только в пределах этимологического гнезда.

Этимологическое гнездо представляет собой группу слов, имеющих общий исторический корень, образованных от непроемной основы – этимона.

Ж. Ж. Варбот указывает на то, что «реконструкция этимологического гнезда всегда предполагает реконструкцию теми или иными средствами (объяснением семантических различий, фонологическим отождествлением и т. д.) утраченных словообразовательных связей слов или групп слов. При этом установление самого

факта родства того или иного слова с определенной группой (гнездом) слов, хотя и представляет большой интерес, не является конечной целью этимологического исследования, которое может быть понято лишь как определение способа образования анализируемого слова в пределах данного гнезда от какого-то одного слова в гнезде в сочетании с определением хронологии и степени регулярности этого способа словообразования» [3, с. 67].

Различие хронологической приуроченности анализируемых связей в отдельных случаях не имеет принципиального значения для изменения требований относительно четкости формулирования реконструируемых словообразовательных отношений. Ограниченность материала, неполнота представлений о семантике и словообразовании древнейших дописьменных периодов истории языка оправдывают ограничение соответствующих этимологических решений выводом о родстве слова с тем или иным гнездом. Однако и в отношении очень древних реконструируемых связей должно строго соблюдаться различие хотя бы двух формулировок – «родство с» и «образовано от» (с указанием как). Это особенно существенно при рассмотрении древнейших слов. Относительно многих из них сохранилось осознание их принадлежности к определенным гнездам. Ж. Ж. Варбот предполагает, что «в ранний период истории праславянского языка продолжала действовать праиндоевропейская модель образования отглагольных имен *-ǫ- (*-jǫ-) и *-ā- (*-jā-) основ, а именно – от глаголов с корневым вокализмом *e образовывались имена с вокализмом *o» [3, с. 68]. Например: *влеку* – *волк* и т.д. Вероятно, в тот же период «получило особое распространение образование имен с долгим корневым вокализмом от глаголов с кратким вокализмом» [3, с. 68]. Однако, по мнению Ж. Ж. Варбот, «остаются неясными способы и время образования славянских имен (не имеющих точных соответствий за пределами славянских языков) с вокализмом *o при отсутствии в славянских языках однокоренных глаголов с вокализмом *e (равно и с *o) – типа древнерусского *мовь* (к *мыти*), славянского **izvorъ* (к **vьreti*), **dorga* (к **dьrati*), а также имен с долгим вокализмом при отсутствии славянских глаголов с соответствующим кратким вокализмом (как и с тождественным долгим вокализмом) – типа древнерусского *изгага* (к *жечи*)» [3, с. 68–69].

Время возникновения данных слов, на наш взгляд, определить трудно потому, что утеряны те звенья (слова), которые связывали данные глаголы и имена: имена не являются, по мнению Ж. Ж. Варбот, непосредственными образованиями от соответствующих им глаголов. Например, образование древнерусского слова *изгага* можно представить следующим образом: *жечи* (ступень вокализма *ǫ) – *жѣгати* (ступень *ē) – *изгага* (ступень *ō).

Итак, данный тип альтернации унаследован славянским словообразованием от праиндоевропейского. Утерянные же звенья необходимо включать в то или иное этимологическое гнездо в гипотетических формах.

Изменение морфонологических характеристик унаследованных лексем связано с изменением морфонологии соответствующих словообразовательных моделей и возможно на любых хронологических уровнях – всегда, когда изменяются морфонологические характеристики словообразования.

Анализ морфонологических преобразований лексем, подобных рассмотренным выше, убедительно свидетельствует в пользу гнездового этимологического исследования, охватывающего все родственные образования с одним и тем же корнем. Каждый член этимологического гнезда, будучи так или иначе связан с другими его членами, содержит определенную информацию о них. Эта информация концентрируется в корне каждого слова, составляющего определенное гнездо.

Анализ этимологического гнезда в целом, во всем многообразии образующих его словообразовательных связей, очень существенен также с точки зрения изучения типологии разрывов словообразовательных связей, превращающих словообразовательное гнездо в этимологическое. Разумеется, и причины этих разрывов, и их отражение в словообразовательной структуре разошедшихся частей одного и того же гнезда очень многообразны. Однако можно предполагать, что в указанном многообразии есть известные наиболее яркие типы, что причины разрыва словообразовательных связей и словообразовательных структур разошедшихся групп слов определенным образом связаны между собой. Как было установлено на романском материале Я. Малкилем, разошедшиеся части этимологического гнезда часто сохраняют в своей словообразовательной структуре следы взаимного дополнения [11, с. 271]. «Подобные словообразовательные отношения могут быть рефлексом скорее семантического разрыва между членами бывшего словообразовательного гнезда, нежели фонетического их расхождения. Если учесть, что в славянских языках семантические изменения часто разобщают родственные глагольные основы (особенно различающиеся фонетически: ср. *бить* и *бояться*, *вить* и *ваять*), то приведенные наблюдения могут послужить типологической основой для этимологического сближения различных словообразовательных гнезд, соотносительных с глаголами, при условии, что эти глаголы могут рассматриваться как семантически разошедшиеся, структурно дополняющие друг друга родственные основы. Представляется, что возможно сопоставление, в частности, славянского гнезда с корнем **gor-* / **zar-* 'гореть' и группы слов, опирающихся на **žьrti* 'жертвовать'» [3, с. 71–72].

При распаде единого словообразовательного гнезда на несколько групп слов вследствие фонетического расподобления или семантических изменений этот разрыв почти никогда не бывает полным, бывшее единство не исчезает бесследно (если только речь идет не о разобщении двух родственных слов, производные от которых образуются уже после утраты связи между этими двумя словами). Сигналом бывших словообразовательных связей двух групп слов (а следовательно, и поводом для их этимологического сопоставления) может быть наличие производных образований, совмещающих фонетический облик корня, свойственный одной группе, со значением, закрепившимся за другой группой. Подобные образования хронологически предшествуют разобщению этимологически связанных групп. Таково положение имени *бой* по отношению к *бить* и *бояться*, имени *коса* к *чесать* и *коснуться*, имени *пророк* по отношению к *проречь* и *прорицать*, имени *облако* по отношению к *влечи* и *волочить*.

К распаду словообразовательных связей внутри гнезда и к превращению словообразовательного гнезда в гнездо этимологическое ведут морфонологические процессы, а также лексико-морфологический процесс опрощения.

Итак, «словообразовательное гнездо становится этимологическим вследствие разрыва определенных словообразовательных связей» [3, с. 74]. Для этимологии было бы существенно определить круг словообразовательных связей слов, наиболее часто подвергающихся деэтимологизации. С точки зрения словообразования подобное исследование представляет интерес для изучения развития деривации, ее морфологии и морфонологии.

Для этимологического гнезда характерен переход от принципа синхронии, присущего словообразовательному гнезду, к принципу диахронии. Этот переход обусловлен разрушением словообразовательных связей внутри гнезда.

«Но наибольший интерес, – по мнению Н. В. Дьячок, – представляет такой тип гнезда, который составляют родственные (исторически однокоренные) слова, имеющие общую основу; в пределах данного гнезда словообразовательные связи

не разрушаются, а являются продуктивными с точки зрения истории языка» [4, с. 21]. Здесь имеет место своеобразный синтез принципов построения словообразовательного гнезда и гнезда этимологического. Реконструкция данного типа гнезда базируется на принципе ахронии.

Принцип ахронии (панхронии) – вневременной принцип. Он позволяет реконструировать гнездо слов в соответствии с динамикой его исторического развития. Согласно принципу ахронии, не существует движения внутри гнезда: ни одно слово не переходит из центра на периферию, а тем более не покидает границы гнезда. Принцип ахронии позволяет вскрыть диалектику развития языка: «диалектическое взаимодействие и взаимопереход свободного и необходимого, соотношение возможного, случайного и закономерного» [7, с. 185]. В этой связи важно иметь в виду, что точки зрения синхронии и диахронии – кардинально противоположные – обычно не дают возможности объективного рассмотрения языковой реальности: любая языковая система обладает достаточной гибкостью, чтобы допускать бесконечное число связей, отношений, свойств и их комбинаций, но в то же время та же система обладает и достаточной жесткостью, чтобы «на фоне всеобщей связи элементов не допускать соотношения и связей каждого элемента с каждым или со всеми другими элементами и ограничить конкретные наборы свойств и отношений, характерных для данного класса единиц» [7, с. 185]. Принцип ахронии – феномен, учитывающий, с одной стороны, гибкость, подвижность системы, ее способность адаптироваться к различным условиям существования языка, с другой стороны, определенную строгость, жесткость этой системы, контролирующей любое языковое движение и «отбирающей» те явления, которые соответствуют данному языковому статусу. Таким образом, этимолого-словообразовательное гнездо с вершиной «*uēlktī» строится согласно данным двум характеристикам, которые в целом являются объективным критерием исследования определенной языковой формации.

Принцип ахронии показывает то, что отдельные явления и процессы, протекающие в гнезде, не даны в чистом виде, а представляют собой своеобразную совокупность взаимодействия ряда факторов.

«Гнездо, реконструированное согласно принципу ахронии, – постулирует Н. В. Дьячок, – представляет собой полную картину как исторических изменений словообразовательных отношений между словами, так и современное состояние словообразовательных отношений» [4, с. 22].

Этимолого-словообразовательное гнездо – это «совокупность этимологически однокоренных слов, связанных отношениями производности» [4, с. 22]. Вершиной гнезда является непроизводное с точки зрения ахронии слово, основа которого – производящая для всех слов, составляющих гнездо данного типа. Все слова, входящие в него, образуют этимолого-словообразовательную парадигму. Каждый компонент этой парадигмы, в свою очередь, может иметь свою этимолого-словообразовательную парадигму или, по крайней мере, развернутую на его основании этимолого-словообразовательную цепочку. Таким образом, все элементы гнезда, кроме вершины, являются производными (с точки зрения ахронии) словами, а гнездо строится на базе иерархически упорядоченных словообразовательных отношений между производящими и производными словами, обусловленных исторической подвижностью системы.

Что касается структуры гнезда, нужно отметить следующее. В системе словообразования существуют полные и неполные словообразовательные цепочки. Принцип разграничения – заполненность / незаполненность всех позиций в цепочке. Полные цепочки – «это цепочки, все звенья которых заполнены. Неполные цепочки – это цепочки с пропущенными (незаполненными) звеньями» [10, с. 443].

В силу специфики этимолого-словообразовательного гнезда (ведущий принцип – принцип ахронии) цепочки, существующие в нем, могут быть только полными. Возможные пропуски звеньев заполняются гипотетическими формами. Например: *поволочь* – *поволакивать* – **поволакиванный* – *поволакивание* и пр. Наличие формы **поволакиванный* доказывается существованием в языке модели суффиксального образования причастий.

В гнезде данного типа, кроме этимолого-словообразовательных цепочек и парадигм, существуют и этимолого-словообразовательные ряды. Причиной их возникновения является синонимия этимолого-словообразовательных средств.

По мнению П. А. Соболевой, этимолого-словообразовательный ряд – «это конечное множество слов различной или тождественной (этимолого-словообразовательной. – В. К.) структуры, характеризующееся тождеством оператора последнего деривационного шага» – этимолого-словообразовательного «форманта» [8, с. 51].

Примерами таких рядов могут служить следующие классы слов: *подволакивание*, *подволочение*, *поволочение* (формант *-иј-*); *поволочить*, *изволочить*, *отволочить*, *доволочить* (формант *-и-*) и т. д.

Как уже отмечалось, достаточно часто в рамках словообразовательных гнезд встречаются комбинации типа

волочь
           волоченный
                   волоченно
                           разволоченно
       разволочь
           разволоченный
                   разволочено.

Данное явление называется неединственной мотивацией и касается, в основном, образования наречий. Под неединственной мотивацией традиционно понимается обусловленность одного компонента гнезда, функционирующего в языке, несколькими производящими. На наш взгляд, данное понятие нуждается в некотором уточнении, по крайней мере в отношении этимолого-словообразовательного гнезда.

Словообразовательные отношения – это всегда и мотивационные отношения. Однако не всякое мотивационное отношение выступает и как словообразовательное. А. Н. Тихонов считает, что «словообразовательные мотивации являются лишь частью мотивационных отношений, характерных для гнезда...». «Каждое производное слово возникает в языке на базе строго определенного значения производящего слова» [9, т. I, с. 37–38]. Мотивация (мотивированность) рассматривается как семантическая обусловленность «значения производного и сложного слов значениями их составляющих; в акте словообразования одни единицы выступают в качестве источника мотивации, в связи с чем другие – результативные – рассматриваются как обусловленные мотивационные» [6, с. 467].

Приведенное определение, конечно, не противоречит понятию «неединственной мотивации», если принимать во внимание синхронный аспект словообразования. Что же касается диахронии и ахронии, существует иной взгляд на проблему. С одной стороны, в конкретном случае словопроизводства производное слово мотивируется лишь единственным соответствующим производящим. С другой стороны, говоря о наречиях как о застывших формах кратких прилагательных, учитывается «первостепенность» образований имен прилагательных. Следовательно, исходная модель образования выглядела так:

волочь

разволочь

разволоченный

разволоченно.

Вслед за Н. В. Дьячок мы предполагаем, что «мотивация исконно может быть только единственной. Звено неединственной мотивации возникло, на наш взгляд, как результат воплощения определенного словообразовательного типа, сложившегося в системе словообразования» [4, с. 25].

Принцип ахронии, на котором базируется реконструкция этимолого-словообразовательного гнезда, позволяет определить не только частные характеристики гнезда (типы мотивации, структуру цепочек и парадигм), но и более общую категорию – объем гнезда. Также принцип ахронии ограничивает количество способов словообразования, при помощи которых могут возникать слова, принадлежащие конкретному этимолого-словообразовательному гнезду. В этот перечень входят все виды деривации (префиксация, суффиксация и т.п., но ни в коем случае не комплексные её разновидности), а также морфонологическое словообразование.

Согласно принципу ахронии, слова, словообразовательной базой которых является словосочетание, образуют самостоятельные гнезда, и их наличие в гнездах, вершинами которых являются простые (одноосновные) слова, невозможно.

Поскольку сложные слова не образуют единых гнезд с простыми словами, сложение основ (или же, другими словами, дублетизация на основе словосочетания) как способ словообразования в рамках этимолого-словообразовательного гнезда с вершиной «*uēlktī» непродуктивно.

Итак, одним из продуктивных способов словообразования в гнезде исследуемого типа является суффиксация. Путем суффиксации образуются слова различных частей речи, в том числе и наречия. Но образование наречий связано с некоторыми особенностями развития языка.

Наречие как средство выражения обстоятельственной характеристики действия начинает формироваться в праславянском языке и в системе древнерусского и современного русского языка выступает как особая знаменательная часть речи. Но, несмотря на древность происхождения наречий, «они являются, так сказать, «вторичными», так как обнаруживают свое возникновение из других частей речи – существительных, местоимений, прилагательных, глаголов. Процесс образования наречий из других частей речи шел и в истории русского языка и продолжается в современном его состоянии» [5, с. 364].

В составе наречий еще древнерусского языка В. В. Ивановым выделяются две группы: первообразные (местоименные), в образование которых входили древние местоименные корни в сочетании с различными суффиксами, и адвербиализированные формы других частей речи. При этом если первообразные наречия не только не пополнялись в истории русского языка, но, наоборот, ряд таких наречий был утрачен, адвербиализованные формы, создавая определенный тип наречий, стали служить моделью для возникновения новых наречных образований по выработанной в языке модели.

Модель и способ образования наречий с течением времени трансформировались: конверсия, а именно адвербиализация, представлена в современном русском языке аффиксальной (суффиксальной) разновидностью морфологического способа словообразования. В данном случае нужно учитывать исходный способ словообразования наречий: принцип ахронии позволяет включать подобные образования в состав гнезда, разумеется, лишь при условии всестороннего освещения их истории.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) лексические дериваты объединяются в определённые группировки согласно соответствующим принципам; 2) на базе принципа синхронии строится словообразовательное гнездо; 3) в результате разрушения деривационных связей внутри словообразовательного гнезда возникает этимологическое гнездо, которое строится на базе принципа диахронии; 4) тип гнезда, построение которого базируется на принципе ахронии, можно назвать этимолого-словообразовательным гнездом; 5) этимолого-словообразовательное гнездо включает ограниченное количество способов словообразования (деривацию, морфонологическое – аблаутарное – словообразование, а также требует дополнительной информации об образовании наречий).

Библиографические ссылки

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966, 1969. – 608 с.
2. **Балалыкина Э. А.** Русское словообразование / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. – Казань : КГУ, 1985. – 184 с.
3. **Варбот Ж. Ж.** О словообразовательной структуре этимологических гнезд / Ж. Ж. Варбот // Вопросы языкознания. – 1967. – № 4. – С. 67–74.
4. **Дьячок Н. В.** Этимолого-словообразовательное гнездо с вершиной-глаголом «речи». Принципы описания : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Н. В. Дьячок. – Днепропетровск, 2004. – 205 с.
5. **Иванов В. В.** Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М. : Просвещение. 1990. – 400 с.
6. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
7. **Маковский М. М.** Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М. : Наука, 1980. – 212 с.
8. **Соболева П. А.** Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М. : Наука, 1980. – 126 с.
9. **Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985.
10. **Улуханов И. С.** О полных и неполных словообразовательных цепочках // Актуальные проблемы русского словообразования : тез. V Республ. научно-теорет. конф. / И. С. Улуханов. – Самарканд, 1987. – С. 443–447.
11. **Malkiel I.** Etymology and the Structure of Word Families / I. Malkiel. – L. : Word, 1954. – 200 p.

Надійшла до редколегії 05.04.09